

Ю.В. МАРКОВА

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

---

*МАРКОВА ЮЛИИ Владимировна - кандидат социологических наук, научный сотрудник
Института социологии РАН.*

Понятие социальной реальности отсылает нас к изучению эпистемологических оснований социологического дискурса. Опираясь на систему понятий, разработанных в рамках структурализма и генетического структурализма [1-5], проанализированы некоторые символические структуры социологического дискурса. В качестве эмпирической базы исследования использованы статьи в ряде социологических журналов. Нет необходимости говорить, что с тех времен в рассмотренной мною проблематике произошли определенные изменения, - это предмет отдельного анализа.

Проблема социологического дискурса начинается с того, что удивляет сам факт его существования. Если следовать правилу, что научное исследование строится на точных понятиях и принципах, то социолог, потребляя и производя дискурс, попадает в ситуацию постоянного регресса определений: одно понятие раскрывается через другое, другое - через третье и т.д. [ср.: 6]. "Поведение" определяется через "действие", понятие "действие" - через понятие "деятельность", "деятельность" - через "активность", и т.д. В итоге, всякое "строгое" определение дается через неопределяемое, через то, что понятно и известно до исследования. Чтобы социологический дискурс мог состояться, социолог с необходимостью должен остановить бесконечный *in potentia* процесс определения понятий и принять некие положения в качестве аксиом. Это означает, что, приступая к работе, исследователь уже обладает предзнанием своего объекта; социальная действительность уже определенным образом понята и структу-

рирована социологом. Более того, зачастую исследователь слишком хорошо практически знает свой объект, чтобы подвергнуть его критическому анализу¹.

Чтобы сконструировать свой объект, социолог должен сделать о нем какие-то предположения. Как минимум, он должен полагать, что этот объект существует и заслуживает того, чтобы его исследовали социологически, т. е. с использованием особых, отличных от здравого смысла, понятий и методов. Из этого следует, что первичным актом социологического исследования является не "свобода от оценки", не "рефлексивное отношение", а практическое полагание того, что существует/не существует, известно/неизвестно, достойно/недостойно внимания объективирующего взгляда социолога.

Но что известно социологу до всякого исследования, каковы "горизонты" социологического дискурса? Эти неисследованные условия действительности социологического дискурса, называемые мною "социальной реальностью", — непосредственный предмет данного исследования.

Социологическое поле и социологический дискурс. Социологический дискурс не есть произвольное рассуждение о социальных феноменах. Он представляет собой построенную по специфическим правилам систему суждений о социальной действительности, производимую в рамках социального универсума - поля социологического производства. Поле социологии - это место "конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является <...> монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки" [8, с. 474]. Поле есть система объективных отношений между позициями, которые образуются вследствие неравномерного распределения ресурсов, необходимых агентам для производства их практик [подробнее см.: 8, 9].

Напомню, что любое социальное пространство (и поле как его частный случай) есть результат двойного структурирования и распределения ресурсов практик. С одной стороны, мы имеем объективные структуры, лежащие в основе субъективных социальных представлений и влияющие на взаимодействия агентов. С другой стороны, эти социальные представления должны быть усвоены и присвоены (интериоризированы) агентами, чтобы стать действующей силой, т.е. оказывать принуждающее воздействие на практики агентов, производящих/воспроизводящих объективные структуры. В этом смысле мы можем говорить о существовании двух типов структур (объективных и субъективных), образованных неравномерным распределением капиталов и систем представлений (диспозиций или субъективных ресурсов практик).

В профессиональном поле социолог интериоризирует внешние условия производства, которые становятся внутренними схемами действия (диспозициями или смысловыми схемами). Смысловые схемы устанавливают связь между объективными структурами поля социологии и легитимным продуктом этого поля - социологическим дискурсом. Смысловые схемы выступают необходимым субъективным условием практик; это не понятия, но схемы действий социолога. Смысловая схема - "термин, обозначающий двустороннюю структуру, сочленяющую воедино характеристики практики и понятия. Она представляет собой действующее основание классификации и иерархизации социальных феноменов, видения и деления действительности, ставшее личностным свойством в результате социализации и усвоения опыта, интериоризации социальных отношений" [5, с. 18]. Отсюда социологический дискурс есть результат встречи смысловых схем социолога (т.е. интериоризированных объективных структур поля социологии) и исследуемой им действительности. В этом смысле социологический дискурс есть производная смысловых схем социологов, результирующая исследования социальной дей-

---

¹ Анализ негативного влияния слишком хорошего знания социальной среды на результаты социологических исследований см.: П. Бурдьё "Мужское господство" [7]. На примере тендерных исследований он показывает, как хорошее практическое знание объекта и политическая ангажированность ведут к слабым работам, воспроизводящим политизированный здравый смысл.

ствительности в рамках исторически заданных объективных и субъективных структур социологического производства.

Социологический дискурс: социальная действительность, социальная реальность, социальный мир. Зафиксирую: социологическое производство, ограничивая и направляя практики социологов, не только в виде предоставляемых материальных ресурсов, но и в виде идеальных ресурсов, которые концептуализированы как смысловые схемы, выступает практической рамкой социологического дискурса. Чем больше социология удаляется от непосредственного "наблюдения", чем более она использует сложный понятийный и методологический аппарат, тем больше ее объекты отличны от социальной действительности. Поэтому модель, адекватно описывающая социологический дискурс, должна включать в себя как минимум три элемента: социальную действительность, социальную реальность и социальный мир [ср.: 10, 11].

Под "социальной действительностью" мы понимаем все то, что существует до и вне всякого социологического исследования. Это непосредственный источник социального познания. "Социальный мир" - это совокупность явлений, изучаемых социологией, это модель социальной действительности, порожденная функционированием поля социологии. Не все, что существует в социальной действительности, становится явлением социального мира; нет, только то, что проходит своего рода "цензуру" поля, что соответствует конкретно исторической "эпистеме" социологического производства [12, 13]. Социальный мир есть ансамбль фактов, о которых сообщает социологический дискурс.

Между социальным миром и социальной действительностью есть посредник - "социальная реальность", понимаемая как смыслообразующее а priori социологии: "Прежде чем стать предметом социологического исследования в собственном смысле, социальная действительность должна быть понята социологически. Такое социологическое понимание и фиксирует 'социальная реальность'¹. Она включает в себя интерпретации (эпистемологически) релевантных атрибутов социальной действительности, т.е. таких ее атрибутов, которые считаются существенными для социологического подхода. В социологии действительность становится социальным миром - в соответствии со структурой социальной реальности, задающей общий схематизм, т.е. познавательный контекст, видение действительности и социологии в ней" [14, с. 3]. Социальная реальность образована смысловыми схемами, т.е. интериоризированными объективными структурами поля социологии. Будучи совокупностью рамочных условий социальной действительности, которая находит выражение в социологическом дискурсе, социальная реальность задает предельно общие структуры социального порядка.

Российский социологический дискурс конца 1990-х годов. Экспериментальное исследование социальной реальности и смысловых схем, образующих ее, потребовало операционализировать некоторые введенные понятия. В эксперименте социальная реальность раскрывается как связанное множество смысловых схем (всего в ходе работы получено десять схем). Конкретные смысловые схемы - результат статистического конструирования кластеров на базе обобщенных различий, выделенных из социологических текстов.

Для изучения смысловых схем проведен анализ статей в социологических журналах в 1997-2000 годах ("Социологические исследования", "Социологический журнал", "Журнал социологии и социальной антропологии"²). Всего проанализировано 545 единиц. Исключались переводы, статьи по истории социологии, информационные материалы, рецензии, круглые столы и т. п. Тексты подвергались сплошному чтению, в ходе которого выделялись смысловые различия, встречающиеся в публикациях. Подробно методика анализа статей представлена в [15, 16]. Анализ дал 122 обобщенных различия, неравномерно распределенных в текстах. В дальнейшем обобщенные различия подвергались статистиче-

---

² "Журнал социологии и социальной антропологии" начал выходить с 1998 года, данные по нему относятся к 1998-2000 годам.

Смысловые схемы социологического дискурса (1997-2000)

№	Схема	Доля схемы (%)
1	Пол	3,01
2	Государство/гражданское общество демократический/авторитарный	2,25
3	Престижный/непрестижный , Новый/старый, Сложный/простой, Силовые структуры/государство. Государство/культурное производство, Истина/фальсификация, Вертикальный/горизонтальный. Условия и оплата/содержание труда. Общая/отраслевая социология. Наука/система образования. Спрос/предложение, Большинство/меньшинство, Прямой/косвенный, Истина/за блуждение. Силовые структуры/население. Модель/реальность. Национализм/другие идеологии. Абсолютный/относительный, Вербальное/реальное повеление. Абстрактный/конкретный. Промышленность/сельское хозяйство. Правые/левые. Материальное/нематериальное производство. Нейтральный/ангажированный, Первичная/вторичная занятость. Производство/потребление, Социальные группы, Фундаментальный/прикладной. Статика/динамика, Персонификация/деперсонификация. Индустриальный/постиндустриальный, Гуманитарный/естественнонаучный. Управленческая иерархия. Цель/средства. Долгосрочный/краткосрочный. Наука/здоровый смысл. Национализм/интернационализм. Экономика/социальная сфера. Явный/латентный, Реальный/потенциальный. Качественный/количественный, Конфликт/согласие. Теоретический/эмпирический, Компетентный/некомпетентный	16,36
4	Рациональный/нерациональный . натуральное хозяйство/товарное производство, революция/эволюция, разделение властей. Оппозиция/правящая партия. Цивилизованный/нецивилизованный. Развитые/развивающиеся страны. Радикальный/умеренный, Рост/спад производства. Наука/государство. Прошлое/будущее. Стандартный/нестандартный, Жесткий/мягкий, Порядок/хаос, Общие/частные интересы. Реальность/представление о реальности, Прогресс/регресс, Социализм/капитализм, Теория/практика, Универсальный/единичный, Унификация/дифференциация. Эффективный/неэффективный. Тип поселения. Материальный/духовный, Активный/пассивный	16,22
5	Вероятный/невероятный . Система/среда, Военный/гражданский, Естественный/искусственный, Норма/патология, Интеграция/дизинтеграция	5,13
6	Коммунистический/демократический , власть/население, государственная/рыночная экономика, уровень образования, кризис/стабильность, позитивный/негативный, возраст.	13,17
7	Элита/масса . Аскриптивный/достижительный, Включение/исключение, Легитимный/нелегитимный. Представители/доверители, Господство/подчинение, Открытый/закрытый	10,84
8	Равенство/неравенство , Сущее/должное, Объект/субъект, Реальный/видимый, Социология/другие науки, Квалифицированный/неквалифицированный, Администрация/трудовой коллектив, Занятость/безработица, Одномерный/многомерный, Центр/периферия, Внешний/внутренний, Богатые/бедные	11,8
9	Свобода/зависимость , восходящая/нисходящая социальная зависимость, часть/целое, изменение/сохранение, советский/постсоветский	1,33
10	Легальный/нелегальный , крупные/малые и средние предприятия, оптимизм/пессимизм, политический/экономический, формальный/неформальный, государственный/частный, Восток/Запад	9,82

скому анализу по методу ближайшего соседа³. В результате классификации различий статистически сконструировано 10 кластеров (см. таблицу).

Эти кластеры рассматриваются как экспериментальное решение задачи исследования социологического дискурса: как ансамбль смысловых схем, образующих социальную реальность. Исходя из теоретических положений, заложенных в основе эксперимента, я интерпретирую эти схемы как обладающие двойной природой. С одной стороны, они объективируют инкорпорированные социологами объективные структуры поля социологии. С другой стороны, эти схемы представляют собой совокупность идеальных рамочных условий, в которых социологи структурируют социальный мир. Они задают самые общие представления о порядке расположения и следования объектов социального мира.

Полученные схемы позволяют обозначить социальную реальность социологического дискурса как либерально-олигархическую. Двумя схемами ("коммунистический/демо-

³ Для обработки использована программа "Sociology 1.5", созданная А. Русановым.

кратический" и "элита/масса") заданы два основных вектора этой социальной реальности: вектор времени и вектор пространства. Схема "коммунистический/демократический" задает направление движения всего социального мира от коммунистического прошлого к демократическому будущему. Господство этой схемы проявляется даже в таком структурном элементе исследованных текстов, как начало статьи - 36% статей из исследованного массива (198 из 545) начинаются с констатации социально-политических изменений в первом предложении. Многие статьи, содержащие критику ситуации в постсоветской России, объясняют негативные факторы "непониманием" со стороны правящих кругов всех последствий принимаемых решений. Такое отношение может быть результатом как раз давления "социальной реальности" на исследовательские практики социологов, и тем, что либеральная схема встраивалась в качестве незыблемого социального норматива в базовые посылки социологического исследования.

Схема "элита/масса" задает тип социальной иерархии, вводя идею разного социального значения социальных групп. Различия, образующие эту схему, тематизируют под разным углом социальную иерархию, базирующуюся на неравномерном распределении ресурсов. Причем не просто иерархию, но иерархию олигархического типа.

Схемы "коммунистический/демократический" и "элита/масса" выступали в рассматриваемое время смыслообразующим аргументом отечественной социологии, задавая представления о порядке следования объектов во времени и порядке их расположения друг по отношению к другу.

Остальные схемы органично соседствуют с этими двумя, дополняя и расширяя их смысл. Так, схема "престижный/непрестижный" указывает, что объекты социального мира обладают разным уровнем социального признания. Она вводит символическое и ценностное измерение в социальное пространство. Дело в том, что не все группы и не все объекты и практики рядоположены с точки зрения их ценности и уровня признания. Таким образом, схема "престижный/непрестижный" задает символическую дифференциацию социального пространства. Это отношение в высшей мере важно в "переходном" обществе, где смена господствующих позиций с необходимостью сопровождается символическим оформлением новых отношений господства и новых социальных позиций.

Схема "легальный/нелегальный" вводит идею дифференцированности социального пространства по уровню его нормативного признания. Она указывает на нормативную дифференциацию социального пространства, где есть конфигурация запретов и разрешений, определяющих нормативный статус объектов и практик. Не все в этом пространстве соответствует "должному" социального порядка, не все объекты и практики имеют право на существование в соответствии с господствующими социальными представлениями. Эта схема также необходимый элемент "либеральной" социальной реальности, предполагающей "диктатуру закона".

Схема "государство/гражданское общество" задает вектор политической дифференциации социального пространства. Эта дифференциация имеет открытое идеологическое содержание и соответствует господствовавшей на тот момент либеральной идеологии. К ней по смыслу примыкает схема "рациональный/нерациональный", вводя экспертное отношение к управлению социальными процессами и нивелируя их политический характер.

Социальная реальность, конституирующая социологический дискурс, не статична. Ее динамика раскрывается через схемы "равенство/неравенство" и "свобода/зависимость". Схема "равенство/неравенство" напрямую вводит тему отношений конфликта между социальными группами и задает направленность его: борьба за сохранение/изменение сложившейся структуры распределения ресурсов. Схема "свобода/зависимость" указывает на социальные условия возможности реализации практик в социальном пространстве и перемещения в нем. Не менее органично входит в эту систему и схема "пол", объективируя гендерную дифференциацию социального мира, одного из самых базовых оснований социального порядка.

Схема "вероятный/невероятный" указывает на открытость социальной реальности, на потенциальную неопределенность ее эволюции. Но наличие схемы "коммуни-

стический/демократический" снимает эту неопределенность и задает вектор притяжения для событий и практик - вероятностный горизонт событий реализуется как движение от коммунистического прошлого в демократическое будущее.

Полученные смысловые схемы можно рассматривать как векторы социальной реальности, задающей структуру конструирования возможного социального мира социологии. Если следовать предлагаемому подходу, можно предположить, что объекты социального мира, т.е. все то, о чем могла писать отечественная социология второй половины 1990-х годов, должно укладываться в это "прокрустово ложе" социальной реальности, произведенной самим полем социологии. Это означает, что социальный мир должен быть иерархизированным, нормативным, нести в себе некую долю неопределенности, которая преимущественно разрешается в пользу главного вектора движения социального мира от коммунистического к демократическому.

Эти схемы представляют не только общие принципы построения социального мира социологии, но и инкорпорированные объективные структуры поля социологии. Это значит, что сама социальная действительность отечественного социологического производства являлась в исследованное время "либерально-олигархической". Что было подтверждено предварительным исследованием 1996 года [16]. Оно показало, что социальный порядок отечественной социологии тоже можно обозначить как "олигархический". Среди авторов статей выделялась небольшая группа тех, кто аккумулирует основные административные и символические ресурсы поля (социологическая "элита"), и большая группа тех, кто определяется через отсутствие всяких подобных признаков (социологическая "масса"). В этом смысле построенные кластеры способны служить как смысловые схемы (понятие, схватывающее два уровня объекта). Данный анализ можно рассматривать как первое приближение к исследованию гипотезы о гомологии структуры относительно автономных полей и общей структуры социального пространства (имеющего форму государственного образования). Можно говорить о наличии трех уровней. Либерально-олигархическое государство - либерально-олигархическая социология - либерально-олигархическая социальная реальность социологического дискурса, которая должна идеологически правильно "ограничивать" социальный мир (и все символическое производство).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Piaget J. Le Structuralisme. Paris: PUF, 1974.
2. Qu'est-ce que le Structuralisme? / Dir. F. Wahle. Par O. Ducrot, T. Todorov, D. Sperber, M. Safouan etc. Paris: Ed. du Seuil, 1968.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
4. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии: СПб.: Алетейя. 2001.
5. Канонов Ю.Л. Начало социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2000.
6. Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социол. исслед. 2002. № 9. С. 3-16.
7. Бурдые П. Мужское господство / Пер. с фр. Ю.В. Марковой // Бурдые Я. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286-364.
8. Бурдые П. Поле науки / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 472-473.
9. Бурдые П. Клиническая социология поля науки / Пер. с фр. Ю.В. Марковой // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2001, С. 49-95.
10. Glaserfeld E. von. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London: Falmer Press. 1996.
11. Glaserfeld E. von. The Construction of Knowledge: Contribution to Conceptual Semantics. Seaside, Ca.: Intersystems, 1987.
12. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная академия, 2004.
13. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Chicago, Ill.: University of Chicago Press. 1987.
14. Качанов Ю.Л. Пространство-время, социальный мир и социальная реальность // <http://www.is-gas.ru/files/31036-Sages Katchanov 02.pdf>.
15. Качанов Ю.Л., Маркова Ю.В. Социологические различия и практические схемы социологов: опыт эмпирического изучения // Социология. 4М (Математические методы, методология и модели). 2003. № 16. С. 70-85.
16. Качанов Ю.Л., Маркова Ю.В. Структурный изоморфизм социологического дискурса // Россия реформирующаяся / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2004. С. 171-197.